

Тобольск

Как много в России загадочных мест,
Пронизанных смуты мучительной болью!..
Архангел, с утра опускаясь на крест
Церковного храма, глядит на Тоболье.

Играет Тобол, серебрится Иртыш.
И где-то, из волн поднимаясь угрюмо,
Ермак раздвигает руками камыш,
Чтоб в призрачной схватке осилить Кучума.

Здесь сказка сбылась, и, не чувствуя ног,
Не слушая сердца, стучащего рьяно,
Взбеги на холмы, где Конёк-Горбунок
Доверчиво носом толкает Ивана

И хочет к груди его гривой припасть...
Но грают над градом сибирским вороны.
И куколем чёрным покрыла напасть
Венец православной российской короны.

Но сгинут туманы тюменских болот,
И спрячется морок в глубокие норы...
А город стоит—как России оплот
На вечном пути из варягов в обдоры!

Двадцать первое декабря

(Полугодины)

Да лягут снега на обитель твою—
На новую, с бабушкой рядом!
С седой головою в молчанье стою
Под жёстким седым снегопадом.

И купол церквушки, и абрис креста—
Покрыла ворон плащаница.
За дальней оградой стучат поезда,
Погост огибает столица.

Ваганьково, снега, да камень-гранит,
Да тень прапрадедова стяга.
Пусть небо твой путь одинокий хранит
В туманности млечной, бродяга.

Я помню в ладони ручонку твою
И кеды—спешащие рядом...
Немного осталось... Но я достояю
Под нашим с тобой снегопадом!

Звезда декабриста

(Монолог поручика Анненкова)

Французская шляпка, вуаль.
Фигура, обвитая флёрком...
Гори же, моя этуаль,
Гори над острожным забором.

За Нерчинском—только восток.
А мысли уносят на запад,
Где в прошлом—шампани глоток,
Где в прошлом—волос твоих запахов.

Но Бог не услышит молитв.
Отплясана жизни мазурка.
Он крепок пока—монолит
Гранитных столпов Петербурга.

Штыков ощетиленных сталь.
Халат арестантский, куртина.
Гори же, моя этуаль,
Звезда декабриста—Полина!

До самой последней черты
Не будет лукавей кошмара:
Острог предвесенней Читы,
Венчание в церкви старой...

Кольцо из чугуновой цепи.
Взахлёб поцелуй на морозе.
Конвойного оклик: «Не спи!»
И сани невесту увозят.

Я клятву свободе сдержал.
Имперская служба постыла.
Всеобщего счастья желал,
А счастья себе—не хватило.

Кандальная злая печаль.
Набухшая почками верба...
Гори же, моя этуаль.
Даруй вдохновенье—Эвтерпа!

Тропарь Вениаминову

*Св. Иннокентию—митрополиту
Московскому, апостолу Аляски*

Глас I

«Во вся страны полунощныя
изыде вещание твое...
...неведущия Христа светом
Евангелия просветил еси...
...Российская похвало, святителю
отче наш Иннокентие...»

Глас II

Холодá зубами волка ляскают.
Солнце выдирается из тьмы.
Но встают над мёрзлую Аляскою
Русских изб кудрявые думы.

В бесконечность трактов вёрсты брошены
Под разливом неба синевы.
Но звучит едино *Слово Божие*
От суровой Лены до Невы.

Ни огнём, ни мукой не устроится
Эта Богом избранная ширь,
Где едины, как Святая Троица,—
Вологда, Аляска и Сибирь.

В каждом крае, тонущем в неверии,—
Несть числа пророкам и святым.
И простёрла над шальной империей
Дева-Богородица персты.

И когда приходит время тальника,
Птицы грают, и поёт капель
Имя алеутского печальника,
Патриарха северных земель.

Краток век, как жáры в пору летнюю,—
Но приуготовил Бог, веля
Скромному монаху Иннокентию
Путь окончить в ризнице Кремля.

И когда заря с зарёю сходится,
Затеплив лампаду в красный кут,
В Троицком соборе Богородице
На якутском молится якут.

И стоит святой на стёртой паперти.
И трёхперстье тянется к плечу.
И прекрасен древней Богоматери
Узких глаз таинственный прищур!

Абакан¹

Ничего не поделаешь—флаттер...
В лихорадке трясёт самолёт.
Я надеюсь, что Божия Матерь,
Как и прежде, сегодня спасёт.

Чёрт бы эти побрал Абаканы...
Пересадка, посадка и взлёт.
Над Свердловском—сплошные туманы.
За Челябиной—то жарит, то льёт.

Поднебесье машину кантует.
Мне сегодня намяло бока,
Чтобы истину понял простую:
Далеко от Москвы Абакан!

И лежит себе, как порубежье
Двух Сибирей,
хакасская степь.

Где здесь кровь, покажите, медвежья?
Я ещё, между прочим, не слеп...

Но лежит себе степь, осиянна
Первозданной нерусской красой,
Упирается круто в Саяны
Горизонта сплошной полосой.

И места эти были б неплохи,
Только сердце рубцуют не зря
Окаянные метки эпохи:
Лагеря, лагеря, лагеря.

Мелкий дождик по мрамору сеет,
Но распадки предгорий светлы.
И над плавным пока Енисеем
Распластались в полнеба орлы.

Будет помниться реже и реже,
Приходить в полнолунии снов
Пара слов: Абакан—«кровь медвежья»...
Абакан—человечества кровь.

.....
1. Абакан—медвежья
кровь (*хакас.*).

Голбцы у дороги

Под небом, плюющим то снегом, то ветром,
Тиранившим старой соломы охапку,
Оставив в столице чудачества мэтра,
В честь родины малой—сломи свою шапку.

Закружится в просини крест ястребиный,
Набухнет опарой тумана завеса.
И грохнет беззвучным салютом рябинным
Стоствольная чаща заречного леса.

И всё городское, что раньше вальжно
С тобою авто колыхалось спесиво,
Отступит пред запахом осени влажным,
Нырнёт в камыши, за прибрежные ивы.

В ту пору, когда ни ромашки, ни клевер
Уже не ведут меж собой пересуды,
Уносит меня лихоманка на Север,
Где много грибов, комаров и простуды.

Верстовых столбов межевые затёсы,
Разбитой дороги бездонную лужу
И эти бредущие цепью берёзы
Безменом кладу на весов своих душу.

И если бы знать, что потом сотворится!
А ныне легко: без любви и без злости...
Лишь будут ночами тревожными сниться
Голбцы на дороге, голбцы на погосте.

Сюжет о зимних маргаритках

Кривая судьбы... Синусоиды дно.
В рождественских окнах горящие ёлки...
Я пью свою горькую кровь, как вино,
И к храму бреду в одиночестве волка.

Лишь в горле катается тёплый комок,
Что нежностью был, с достопамятной
встречи,
Когда я впервые судьбу превозмог
И шёл на свиданье—Буслаем на вече!

И первую стражу стояла зима,
Отринув бессмыслие слова «предзимье».
И ты торопилась на встречу сама—
Позёмки речной осиянная синью.

И руки свои укрывала в моих
Ладонях
от хлада морозного пара.

И всё повторяла, как школьница стих:
«Мы вовсе не пара, мы вовсе не пара!»

А я и не помню, что было тогда,
Хоть память приходит больными ночами...
Мелькнули мгновенья, минули года,
Сомкнувшись, как воды, у нас за плечами.

Те зимние дни не вернутся назад,
Растаяв сугробом у самой калитки
Скрипучей,
ведущей тебя в палисад,
Где вместо снегов—расцвели маргаритки.

«Цветы Богородицы»—лета привет,
Которое вовремя к нам не пришло...
Как жаль—не сложился о счастье сюжет,
Но это в России—обычное дело.

Двадцатый...

Снег скрипит! Скрипит январский снег.
Пёрышко скребётся по бумаге,
Словно вновь пришёл двадцатый век,
Очередь заняв в универмаге.

Фантики, хлопушки, пастила,
Синий шевиот официоза...
Ёлка настоящею была—
Со смолой, застывшей от мороза.

Дворник гордо нёс свою метлу—
Деревенский дворник дядя Федя.
Тёплый хлеб давали ко столу
И компоты—школьникам в буфете.

И трещали доски у бортов:
Шло с Канадой вечное сраженье.
И в хоккейной шапочке—Бобров
Поражал игрой воображенье...

Милый, неуклюжий и больной,
С коммунальной толчейей в квартире,
Где ты, мой двадцатый—золотой,
С орденом «Победа» на мундире?!

Где вы, чёрно-белое кино,
«Огоньков» эфирная программа,
Голуби, соседи, домино
И такая ласковая мама,

Что теперь глядит издавека
В деревянной рамочке квадрате?..
Век двадцатый—это на века!
На другие—времени не хватит!

Чабрец

(Богородицкая трава)

В Богородичный день, утопающий в ласковой сини
Осени, облачённых в сентябрьский кровавый багрец,
На бескрайних полях, на безмолвных полянах России
Богородской травой возрастает пахучий чабрец.

Что за дивные сны с чабрецом навевает подушка,
С тем, которым иконный оклад украшали в Престол!
И прекрасной царвеною станет простая лягушка,
И не станет помехою кречетам ясный сокол!

Сколько сложено сказок о сём на людскую потребу!
Как причудлива их златотканая мудрая вязь...
Рождество Богородицы—лествица в чистое небо.
Рождество Богородицы—осени топкая грязь.

А из грязи, хвостатый бунчук на скаку поднимая,
Смертным мороком явятся тысячи волчьих сердец.
И падут ковыли в полный рост под пятою Мамаю,
Но пригнётся к земле, распрямившись, Непрядвы чабрец!

И навстречу врагу, под хоруговью «Ярого Ока»,
В Богородичный день, богородской любимой травой,
Вылетают засадные вершники князя Боброка,
Созываемы в битву архангела звонкой трубой!

И усеется поле коростою ратного спора—
Куликово,
 заветное,
 в поросли из чабреца.

Расточится туман, и заря, словно плат омофора,
Ниспадёт на траву—
 и не будет России конца!